

На правах рукописи

Евдокимова Александра Алексеевна

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКИХ ГРАФФИТИ
СОФИИ КИЕВСКОЙ

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2008

Работа выполнена в отделе центральной, восточной Европы и России Института всеобщей истории РАН и в отделе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Михаил Вадимович Бибииков

Научный консультант: кандидат филологических наук, ассистент
Максим Львович Кисилиер

Официальные оппоненты: член-корреспондент РАН,
доктор филологических наук
Владимир Антонович Дыбо,
доктор филологических наук, профессор
Фатима Абисаловна Елоева

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится 11 апреля 2008 г. в 15 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 002.055.01 при Институте лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН по адресу: 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Автореферат разослан 11 марта 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д.ф.н.

В.В. Казаковская

Проследить изменения и вариативность среднегреческого языка — задача актуальная для построения истории языка с опорой на эпиграфические памятники. Византийская эпиграфика до конца XIX в. находилась в тени античной греческой эпиграфики, и византийские надписи издавались, в основном, исследователями античности как материал, сопутствующий другим находкам и не выделяющийся в отдельную группу.

На рубеже XIX–XX вв. в области византийской эпиграфики одновременно с пособиями по христианской археологии появляются руководства по христианской эпиграфике,¹ а позже — раздел в IV томе «Греческой эпиграфики» М. Гвардучи.² Однако обычно в подобных руководствах рассматривали греческую и латинскую эпиграфику вместе и касались только раннего периода существования Византийской империи. Такой подход сохранился до конца XX в.: до сих пор не появилось руководство, которое демонстрировало бы специфику византийской эпиграфики как раннего, так и позднего времени, хотя первые шаги в этом направлении сделаны — в виде энциклопедических статей и кратких описаний отдельных групп памятников. Пока не существует ни подробного описания особенностей палеографии византийских надписей, ни тем более разработанной методики их датировки с опорой на палеографию. Отчасти это объясняется тем, что византийцы могли использовать понравившиеся им буквы античных памятников в подражание древним грекам, следовательно, смешивать разные по стилю буквы в одном памятнике особенно в средний период истории Византийской империи.

Византийская лапидарная эпиграфика изучается и издается вместе с античными надписями, в то время как граффити являются, по мнению большинства исследователей, сложным и подчас неблагодарным материалом. В отличие от лапидарных надписей, которые писали чаще всего профессионалы, граффито мог написать каждый, кто знал грамоту, даже если он не имел навыков профессионального писца. Этот факт делает подобные надписи трудными для прочтения из-за специфики палеографии и плохой сохранности, однако позволяет считать их бесценным материалом для исследования языка в тот или иной период. Граффити античного времени не только чаще выходят отдельными корпусами,³ но и введены в оборот историками греческого языка. В то же время византийские граффити издаются вместе с

---

¹ Kaufmann C. M. *Handbuch der altchristlichen Epigraphik*. — Freiburg im Breisgau: Herdersche Verlagshandlung, 1917. — 518 p.

² Guarducci M. *Epigrafia Greca*. Tome IV. *Epigrafi sacre pagane e cristiane*. — Roma: Instituto Poligrafico dello Stato P. V., 1978. — 601 p.

³ Толстой И. И. *Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья*. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. — С. 155.

лапидарными надписями и до сих пор не использованы в исследованиях, посвященных истории греческого языка, а именно функционированию среднегреческого языка.

С.А. Высоцкий, занимавшийся древнерусским граффити, прочерченными в Софии Киевской на фресках второй половины XI в., писал, что кроме разобранных им двух греческих граффити,⁴ в соборе встречаются и другие надписи на греческом языке. В данной работе исследуется 80 недавно обнаруженных граффити из этого храма.

Таким образом, **актуальность** работы обуславливается как введением нового материала, так и самой необходимостью использования граффити при изучении среднегреческого языка в разных региональных его вариантах, в частности, на территории Древней Руси.

Предметом исследования является функционирование среднегреческого языка, а **объектом** — язык греческих граффити Софии Киевской.

В качестве **основного материала** были выбраны 80 греческих граффити, найденных в результате осмотра фресок первого этажа храма Святой Софии в Киеве (2005–2007 гг.).⁵ Для сравнения были привлечены греческие граффити из других регионов: Константинополя,⁶ Афин,⁷ Нубии,⁸ Каппадокии,⁹ также располагавшиеся в храмах на фресках или колоннах. В результате в качестве дополнительного материала были выбраны два варианта языкового «образца»: константинопольский и афинский (в это время — патриарший и митрополичий города); столько же вариантов и регионального греческого языка: каппадокийский и нубийский, памятники которых, скорее всего, отражают и диалектные особенности соответствующих регионов.

Таким образом, **научная новизна** данной работы состоит во введении в научный оборот, расшифровке и описании 80 новых памятников, свидетельствующих о функционировании греческого языка на территории Древней Руси, расшифрованных и описанных в диссертации, а также анализе языка и палеографии этих надписей.

Поскольку почти все надписи не содержат дат и упоминаний исторических событий, а в них указанные имена, слишком распространены, единственным источником для

---

⁴ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII веков). — Киев: Наукова думка, 1976. — С. 198–201, 254–255.

⁵ Выражаю признательность национальному заповеднику «София Киевская» за предоставленную возможность работы в соборе и особую благодарность тем сотрудникам, которые помогали в описании местонахождения граффити и в их фотографировании — с.н.с. отдела научно-исторических исследований Н. В. Первухиной и с.н.с. отдела научно-исторических исследований В. В. Корниенко.

⁶ Antoniadis E. M. *Εκφρασις της αγίας Σοφίας*. — Leipzig: Βιβλιοθήκη Μαρασλή, 1909. Т. 3 — 350 σ.

⁷ Orlandos A. C. *Les graffiti du Parthenon. Inscriptions gravees sur les colonnes du Parthenon a l'epoque paleochretienne et Byzantine*. — Athenes: Academie d'Athenes. Centre Recherches Medievales et Neo-Helleniques, 1973. — 197 p.

⁸ Kubinska J. *Inscriptions grecques chretiennes*. — Warszawa: PWN Editions scientifiques de Pologne, 1974. — 193 p.

⁹ Jerphanion G. de. *Une nouvelle province de l'art byzantin. Les eglises rupestres de Cappadoce*. — Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925–1942. — 7 t.

датировки и интерпретации граффити в спорных случаях служат их язык и палеографические особенности. В связи с этим **целью** исследования является выделение и описание основных черт языка греческих граффити из Софии Киевской, а также сравнение полученных результатов с данными палеографического анализа надписей.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**: 1) подготовить корпус греческих граффити Софии Киевской, который позволял бы охарактеризовать язык этих памятников; 2) проанализировать лексический состав надписей, выявить круг лексем, содержащих ошибки; 3) проанализировать ошибки / вариации в представленных надписях и определить, какие фонетические процессы и / или орфографические правила они отражают; 4) выделить и проанализировать морфологические и синтаксические вариации, 5) сравнить полученные в результате анализа лексики, морфологии и синтаксиса данные с аналогичными в других регионах; 6) описать палеографию граффити Софии Киевской и определить по полученным данным, кто писал те или иные надписи, греки или славяне.

Для реализации поставленных задач были выбраны следующие **методы исследования**: метод сравнительно-исторического языкознания, статистического, эпиграфического и палеографического анализа. Несмотря на то, что в рамках одного исследования такое сочетание методов ранее не применялось к греческим надписям, оно позволяет учесть специфику памятников одного языка, возникших на территории распространения другого языка, а также выявить факторы, которые оказывают влияние на те или иные языковые изменения.

Теоретическая значимость работы заключается в рассмотрении фонетических изменений не только в совокупности всех возможных позиций, но и в рамках одного слова, употребленного у разных авторов, а также в выявлении факторов, вызвавших это изменение. В то же время можно проследить это изменение в зависимости от времени и региона, что дает еще более полную картину функционирования среднегреческого языка.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Граффити являются оптимальным материалом для сопоставительного исследования нормы и узуса. Корпус граффити Софии Киевской позволяет исследовать функционирование греческого языка в Древней Руси и уточнить представления о греках и греческом языке на Руси с начала XI по XIII вв.

2. С учетом господствовавшего в Древней Руси метода обучения греческой грамоте случаи употребления в надписи типических минускульных начертаний не свидетельствуют о греческом происхождении их автора.

3. В области фонетики граффити показывают, что вплоть до XII–XIII вв. еще продолжается переход *oi, η, υ* в */i/*.

4. В Киеве ударение уже в XI веке имело более выраженный динамический характер.

5. В области морфологии отклонения в греческих граффити зависят от фонетики и происходят по аналогии с наиболее часто встречающимися формами.

6. Из синтаксических особенностей употребление винительного падежа на месте дательного могло быть заимствовано из узуса Константинополя и Малой Азии. В Афинах дательный падеж сохранялся или заменялся на родительный.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанную методику анализа языка граффити можно применить для большего круга памятников, а также греческих надписей другого типа и жанра. В свою очередь, это позволит расширить представления о специфике бытования среднегреческого языка в иноязычной среде, даст богатый материал для изучения среднегреческих диалектов, уточнит особенности протекания тех или иных процессов в языке, выявит и обозначит этапы развития отдельных языковых явлений.

Рекомендации по использованию результатов диссертации. Собранный корпус может быть использован в качестве материала для различных курсов по истории греческого языка, а также по истории Древней Руси, византийскому искусству и музыке, по эпиграфике. Материалы палеографического анализа могут быть использованы в курсах палеографии и при составлении электронного палеографического атласа византийских памятников, который бы позволил усовершенствовать методику датировки надписей византийского времени.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на XXI международном конгрессе византистов (Лондон, 2006) и XIII международном конгрессе греческой и латинской эпиграфики (Оксфорд, 2007), на IX международной Крымской конференции «Небесные патроны и земные служители культа» (Херсонес, 2007), международной конференции «Аргонавтика и мировая культура» (Тбилиси, 2007), IV международной научно-практической конференции «Софийские чтения» (Киев, 2007), а также на конференциях, посвященных памяти проф. И.М. Тронского (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2006, 2007), на XVIII и XIX чтениях памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, Институт всеобщей истории РАН, 2006, 2007), на XI и XII чтениях памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 2006, 2007), на IX и X международных конференциях молодых византистов и неозллинистов (Москва, 2006, 2007), на ностратическом семинаре имени В.М. Иллич-Свитыча в РГГУ (Москва, 2007), на заседании сектора типологии и сравнительного языкознания

Института славяноведения РАН (Москва, 2007), на практических семинарах молодых преподавателей греческого и латинского языков (София, 2006, Велико Тырново, 2007) и семинаре студентов кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург, 2007).

Структура и объем работы. Диссертация включает 195 страниц машинописного текста и состоит из Введения, трех частей, Заключения, списка использованной литературы, насчитывающего 115 наименований, и 10 приложений (260 стр.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** описывается состояние дисциплин, в рамках которых проводится исследование (история среднегреческого языка и византийская эпиграфика), определяется актуальность работы, цель и задачи исследования, основные методы, а также раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первый раздел представляет собой корпус греческих граффити из Софии Киевской, разбитых на две группы — основной корпус, фрагментарные и трудно читаемые надписи. Обе эти группы, в свою очередь, учитывают расположение граффити в соборе. Каждое граффито в корпусе описано по следующей схеме: местоположение, размеры, палеография, орфография, оригинальное написание, интерпретация, перевод, комментарий.

Второй раздел посвящен анализу языка граффити и состоит из двух глав: «**Типы надписей, формулы и лексика**», «**Язык греческих граффити Софии Киевской**». В **первой главе** приводится классификация греческих граффити из храма Святой Софии в Киеве по их типу (молитвы, краткие подписи, обозначающие имя святого, певческие надписи, сентенции и формулы (часто даны в виде первых букв слов), цитаты) с указанием того, какие из типов встречаются в граффити из других регионов. В результате этой классификации было определено, что большая часть надписей в Киеве относится к молитвам: в храме не встречается ни одной погребальной или заупокойной надписи. Уникальными в сравнении с другими регионами оказались сконцентрированные в одном из приделов в алтарной части певческие надписи (фрагменты разных тропарей и т.д.), содержащие знаки палеовизантийской певческой нотации. Также были проанализированы формулы в соответствии с теми типами надписей, в которых они встречаются. Самой распространенной формулой является: «*Κ(ύρι)ε βοήθει*»¹⁰ (Господи, помоги) и сопутствующая ей «*δοῦλόν/δούλ(ην) σου*» (раба

---

¹⁰ Здесь и далее греческие лексемы приводятся в кавычках, в унифицированной орфографии с диакритическими знаками.

Твоего / рабу Твою)¹¹ и ее вариант «*σὸν δοῦλον*» (Твоего раба). Наконец, разбирается лексический состав граффити по следующим рубрикам: 1) слова, написание которых соответствует древнегреческой орфографии в сравнении с другими регионами, 2) вариации в рамках одной и той же лексемы у одного и разных авторов, 3) неправильно написанные слова. Так, в Киеве, в отличие от других регионов, не наблюдается вариаций в словах «*δοῦλος*» и «*δούλη*» независимо от их формы. Скорее всего это явление объясняется тем, что среди представленных форм встречаются только именительный и винительный падежи, что исключает замену *ο* на *ω* во флексиях и наоборот, как бывает в дательном, а замена *η* на *ι*, что является вариацией в форме женского рода, не характерна для наших памятников и встречается в небольшом числе слов. Среди правильно написанных частотных слов также встречаются лексемы, которые в остальных регионах представлены либо с вариациями, либо только в неправильном написании: *σὸν*¹² (3,¹³ 5, 7, 8, 18, 34), *ο* (4, 40, 43, 45, 51, 55, 65, дважды 64,75), *σοῦ* (1, 2, 23, 25, 26, 27, 37, 42, 43, 73), *ελεησον* (6, 17, дважды 22, 36). Из тех слов, которые встречаются один раз: *αυτον* (75), *ημων* (75), *υιον* (74), [*ῶ*]τι (58), *π(ισ)τον* (33), *Ι(ω)ναν* (7) — в Афинах и Каппадокии наблюдаются различные вариации, особенно в косвенных падежах. В последних двух словах изменениям подвержены оба гласных (*ι*, *ω* и *ο*). Также есть группа слов, которая не встречается в граффити других регионов: это в основном имена, некоторые абстрактные существительные и глагольные формы из музыкальных граффити и граффити-цитат.

Вариации в одной и той же лексеме или в однокоренных с ней словах необходимо рассматривать в двух плоскостях: в рамках одной надписи, что позволяет определить особенности идиолекта автора, и в произведениях разных авторов, что выявляет тенденции и процессы развития языка в целом или диалекта. Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь языка граффити, это сомнения автора в правильности написания того или иного слова. В Киеве таковыми оказались нижеследующие имена при их повторном написании: *Νηκυφορος* (4), *Νικυφορος* (4), *Ν(ικ)υφορος* (4), *Νυκυφορος* (шесть раз, 4), *Νυκιφορος* (4), *Νηκυφωρος* (4).

Если говорить о вариациях у разных авторов, то *ο* и *ω* в безударном положении свободно варьируются: более частотная замена *ο* на *ω*: *τον* (5, 7, 8, 18, 23, 24, 29, 32, дважды 34, 35, 37, дважды 67), *τω(ν)* (1, 49); и обратная: *ο* (74)— *ω* (36). То же самое можно было бы сказать про *ι* и *η*, однако наблюдаются два различных явления: или

¹¹ В винительном падеже вместо ожидаемого дательного.

¹² Здесь и далее при цитировании из граффито сохраняется орфография и акцентуация памятника.

унификация с выбором одной из графем в одном слове, или предпочтение эты (η) йоте (i): *Μηχαηλ* (1), *Μιχαιλ* (2), *Μιχ(α)ιλ* (27), или же дифференциацию, употребление η вместо i в безударном положении, как в корне, так и в окончании: *αηε* (19, 20, 22), *αηος* (40) — *αηιος* (36), *αη(ι)ος* (51), *α(ηιος)* (47), *αηιου* (73). Ср. единственный случай обратного употребления: *τιν* (16), *τη(ν)* (28), *την* (25, 63). Отдельного внимания заслуживает наиболее частотное из слов в подобного рода надписях — глагол «βοήθει» — *β(οη)θι* (7, 39), *βοηθι* (1, 2, 5, 9, 10, 38), *βωηθ(ει)* (27), *βωηθη* (24, 49), *βοηθη* (7, 18, 19, 23, 25, 28, 32, 33, 34, 35, 37), *β(ο)ηθη* (3), *β(οη)θη* (8), *βο(ηθει)* (26), *βοιφεν* (29), *εκβοιφιν* (31), *βουθιτη* (4). В этом слове почти все графемы, кроме первой, подвергаются изменениям, в других регионах вариативность для некоторых графем еще шире, несмотря на отсутствие замены θ на φ .

Среди неправильно написанных слов есть такие, которые кочуют из одной надписи в другую, как в случае с *αμαρτολον* (22, 34), где произошла унификация всех типов [ο] в пользу $ο$, в то время как в Афинах, Каппадокии наблюдается в этом слове свободное варьирование. $ο$ вместо $ω$ встречается и в имени: *Κο(στ)α(ντινον)* (33), *Κο(νσταντινον)* (43), которое в других регионах имеет большую вариативность написания не только гласных, но и согласного кластера. Единично встречающиеся случаи чаще всего находят параллели в Каппадокии или в Афинах.

Во второй главе «Язык греческих граффити Софии Киевской» поэтапно разбираются вопросы, связанные с нормой в среднегреческом языке, на материале греческих граффити из Киева, Константинополя, Афин, Каппадокии и Нубии. Как пишет Теодорсон,¹⁴ оригинальная орфография в древнегреческом языке имела тенденцию восстанавливаться, несмотря на те частотные орфографические вариации, которые на какое-то время могли становиться новой орфографической нормой. Примеры таких реставраций в античное время в аттическом диалекте с указанием дат он приводит в своей работе в виде таблицы.¹⁵ Однако нет подробных работ, описывающих норму и ее изменения в других регионах. Сложнее обстоит дело со среднегреческим языком, потому что пока не разработан инструментарий для определения «нормы», так как каждый автор в литературе для украшения стиля свободно вставляет в свой текст понравившиеся ему элементы из древнегреческих диалектов или авторов, подчас в результате таких вставок складывается особый колорит. Если для целого круга произведений в рамках одного жанра еще возможно

¹³ Здесь и далее номер до запятой для примеров из Киева обозначает номер граффито в корпусе, который представлен в диссертации, а для других регионов — нумерацию по изданию. Для датированных граффити рядом с номером указывается год.

¹⁴ Teodorson Sven-Tage. The phonemic system of the Attic dialect 400–340 B.C. — Lund: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1974. — P. 169–172.

выделение общих черт, которые можно было бы назвать нормой и которые бы варьировались в зависимости от времени создания произведения, то объединение выделенных в каждом из жанров черт в некую единую систему, скорее всего, малоэффективно, так как в ряде случаев эти черты могут противоречить друг другу. Такова ситуация в литературном языке, который по своей сути является более нормированным, чем живая разговорная речь или ее отражение в эпиграфических памятниках и граффити. В данном типе надписей, которые мог написать любой, кто знал грамоту, в большей степени находит отражение узус и идиолект пишущего. Только по совокупности этих идиолектов с большей или меньшей долей вероятности можно судить об орфографических правилах, которые бытовали в этом регионе. Так как большая часть граффити не содержит в тексте дат, то границы распространения нормы становятся довольно расплывчатыми, и с уверенностью можно говорить лишь о норме в близкой палеографически или хронологически группе памятников или даже в пределах одного граффито. В то же время граффити могли оставить носители другого диалекта или даже языка, что также затрудняет выделение характерных признаков для нормы того или иного региона. В диссертации за эталон, с которым сравнивается написание каждого слова в надписи, принята классическая древнегреческая норма, отчасти ее можно даже назвать восстановленной, так как она максимально освобождена от диалектных признаков.

I. Графико-орфографические особенности граффити.

1. Дублетные буквы или случаи графического параллелизма, когда одной фонеме соответствуют две графемы. **1.1. Графемы о и ω**, как отмечают исследователи, выступают в большей части памятников, начиная со II в. до н.э. как дублетные буквы. В Киеве, Афинах и Нубии графемы свободно варьируются, при этом в Киеве в некоторых случаях намечается тенденция к дифференциации: удлинение гласного под ударением передается ω, а сокращение без ударения о, в то время как в Константинополе и Каппадокии отдается предпочтение графеме о в большей части позиций.

Графема о и возможные ее субституты. Омикрон независимо от ударения и местоположения почти во всех регионах пишется, за редким исключением, правильно. В Киеве, в отличие от других регионов, в основах под ударением наблюдается тенденция к удлинению гласного звука и как следствие отражение этой долготы на письме путем предпочтения в этой позиции ω. В Киеве, Афинах, Каппадокии в ситуации зияния второй из идущих подряд гласных о оказывается слабым, подвержен замене на более долгий, а в Константинополе и Нубии, напротив, сохраняется.

---

¹⁵ [ibid: 170].

Графема ω и возможные ее субституты. Омега оказывается менее устойчивой, чем o . Позиция без ударения для Константинополя более устойчива, чем под ударением. Возможно, графемы ω и o без ударения различались лучше, и первая из них подвергалась меньшей редукции, чем вторая. В Киеве же без ударения наблюдается тенденция к сокращению долготы или качественной редукции ω . В Афинах при высоком в сравнении с другими регионами проценте сохранения ω независимо от позиции ударения (отчасти это объясняется более широкими временными рамками граффити из Афин), как и в случае с o , более слабой позицией оказывается заударный слог в основе. В Каппадокии, наоборот, заударный слог в основе оказывается наиболее сильной позицией. Несмотря на нейтрализацию o и ω , перед группой согласных и после во всех регионах наблюдается унификация в пользу o .

1.2. Графема ou как другая возможная реализация o и ω — эта замена свидетельствует о сохранении /o/ более закрытого характера. В Киеве встречается два примера в ударной и безударной позиции, и оба в одном и том же имени: $\Theta\epsilon\upsilon\upsilon(\delta)\omicron\rho(o)\nu$ (3, XII?), $\Theta\epsilon\omega\delta\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$ (13). Для Афин и Константинополя такая замена несвойственна: только по одному случаю, когда ou написано на месте ω под ударением: $A\theta\eta\nu\upsilon\upsilon(\nu)$ (26, 1314) — в Афинах и Παχουμῆ (19) — в Константинополе. В Каппадокии все случаи замены [o] на [u] зафиксированы без ударения, встречается один пример гиперкоррекции, что отражает отмечаемое исследователями тяготение каппадокийского диалекта к сужению [o] в безударной позиции.

Диграф «ou» и возможные его субституты. Он в основном сохраняется, замены происходят в малом числе случаев только в Нубии и Каппадокии, что объясняется влиянием окружающих языков и особенностями диалектов.

1.3. Графемы θ и ϕ . Малочисленность примеров Ф.Т. Жиньяка¹⁶ показывает, что взаимозамена этих графем — более позднее явление. Для греческого языка они не являются дублетными буквами, в отличие от их аналогов в славянской азбуке. Однако в нескольких надписях из Киева такая мена происходит в формах одного и того же слова: $\beta\omicron\iota\phi\epsilon\nu$ (29), $\epsilon\kappa\beta\omicron\iota\phi\iota\nu$ (31), что может отражать неразличение славянами на слух греческих [f] и [θ].

2. Отражение произношения или книжной нормы.

2.1. Графемы и диграфы, передающие гласные звуки. Игацизм и монофтонгизация дифтонгов. Графемы ι и η . Более широкое смешение этих двух графем, которое начинает распространяться в II–I вв. до н.э., свидетельствует о том, что закрытое произношение η приблизилось в своем звучании к [i] или даже совпало с

¹⁶ Gignac F.T. A grammar of the greek papyri of the roman and Byzantine periods. Vol. I. Phonology. — Milano: Istituto editoriale cisalpino. La Goliardica, 1976. — P. 99–100.

ним.¹⁷ В Киеве под ударением происходит замена исключительно в основе и только *ι* на *η*, как в именах, так и в остальных словах, зато без ударения преобладают примеры на замену *η* на *ι*; то же явление, но в меньшем числе случаев наблюдается в Нубии. В Константинополе и Каппадокии представлена односторонняя замена *η* на *ι*. В Афинах примеры из датированных надписей на замену *η* на *ι* рассредоточены с 702 по 929 г., остальные не датированы, в то время как для *ι* на месте *η* все примеры не содержат дат и их меньше.

Графема *ι* и возможные ее субституты. Только в Киеве на месте *ι* отдается предпочтение *η* особенно в заударных слогах (степень сохранности колеблется между 18–25%). Интервокальная позиция и перед гласным оказываются слабыми, в них происходит замена *ι* на *η* по графической причине, чтобы сохранить чтение этого гласного как [i], а не как [j], как он, видимо, уже начал читаться в этих позициях, что позднее наблюдается в новогреческом языке. Слабость позиции после группы согласных скорее всего объясняется влиянием представлений о «морной» структуре слога.

Графема *η* и возможные ее субституты. Эта сохраняется в довольно высоком проценте случаев, особенно в Каппадокии. В Афинах, как и ранее, более слабой позицией оказывается заударный слог в основе. В Киеве в этой же позиции наблюдается стопроцентная сохранность.

Диграф *ει* в аттическом древнегреческом диалекте уже в V в. до н.э. был мнимым дифтонгом и передавал долгий закрытый [e], этот гласный в коринфском и арголийском диалектах переходил в долгий [i].¹⁸ У К. Бака¹⁹ отмечено, что во времена Августа *ει*, равный долготу [i], стал писаться как *η*. Диграф *ει*, который в рассмотренном корпусе надписей из Киева чаще всего встречается на стыке основы и флексии, мог заменяться как на *ι*: *βοηθι* (1, 2, 5, 9, 10, 38), *β(οή)θι* (7, 39), *εκβοιφιν* (31), так и на *η*: *β(ο)ηθη* (3), *β(οη)θη* (8), *βοηθη* (18, 19, 23, 25, 28, 32, 33, 34, 35, 37), *βοηθη* (24, 49), причем на эту в большем числе случаев. Другие два примера, по местонахождению распределились следующим образом: в корне в абсолютном начале слова на *η*: *ης* (63) и на стыке основы и флексии на *ι*: *υπεσχι(σθ)α(ι)* (74). Обратная замена *ι* на *ει* происходит только в одном слове: *μακαρεισα[ι]* (52). В Константинополе *η* и *ι* в слове «*βοήθει*» на месте *ει* выступают как своего рода дублетные буквы, в действительности такими для этого региона не являясь; отчасти причина этого явления лежит в морфологии глагола.

¹⁷ Mayser E. Grammatik der griechischen Papyri aus der Ptolemäerzeit mit einschluß der gleichzeitigen Ostraka und der in Ägypten verfassten Inschriften. Laut und Wortlehre. — Leipzig: Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1906. — S. 51–52.

¹⁸ Gignac F.T. Op. cit. — P. 191.

В Афинах представлены все возможные замены. Для *ει* на месте *ι* зафиксирован один датированный случай (591 г.), остальные не датированы; датированные случаи замены *ι* на *ει* засвидетельствованы с 702 по 863 год, *η* на месте *ει* 898–1121 гг., а остальные без дат, как и случаи обратной замены. В граффити из Каппадокии *η* оказывается на месте *ει* почти во всех позициях с начала IX в. по XII в., особенно много случаев приходится на X в., *ει* на месте *η* встречается в трех примерах под ударением после XI–XII вв., *ει* на месте *ι* зафиксирован с X в., но распространен в основном в XIII в. С начала IX в. по XIII в. *ι* на месте *ει* пишется почти во всех позициях.

Диграф *ει* и возможные его субституты. Только в Константинополе *ει* сохраняется при достаточно высоком проценте случаев, если не считать флексию без ударения, в этой позиции в Киеве не встречается ни одного правильного варианта. Любопытным оказывается тот факт, что в Афинах заударный слог в основе на этот раз оказался более сильной позицией, чем остальные. Из комбинаторных слабыми позициями являются те, которые описывают открытый слог.

Графема *υ* и ее отношения с *ι*, *η* и *ου*. В. С. Аллен указал,²⁰ что самая ранняя замена *υ* на *ι* встретилась в египетском папирусе II–III вв., но предположил, что она, возможно, регионального характера. В Киеве замена *ι* на *υ* представлена только в одном граффито в предударной позиции (4), а *η* на *υ* в двух (4, 63) в большем числе позиций. Однако такое отражение произношения данной графемы, как [i], было неединственным возможным вариантом в Софии Киевской. В другом граффито, расположенном в предполагаемой женской половине храма и начертанном скорее всего женщиной, вместо *υ* употреблен дифтонг *ου*: *Γλουκερ[.]α* (25), что в свою очередь указывает на произношение *υ* как звука [ü]. Малое количество примеров на мену *ι* и *υ* и сохранение *υ* в случае унификации всех графических вариантов [i], например, *κυρηακη* (16), свидетельствует о том, что, несмотря на тенденцию чтения графемы *υ* как [i], отмеченную многими исследователями греческого языка, как окончательно оформившуюся и закрепившуюся в языке в X в.,²¹ в некоторых регионах и после X в. сохранилось чтение *υ* как [ü], а, значит, окончательное слияние произношения *υ* и *ι* следует относить к более позднему времени. В Константинополе *υ* и *ι* не заменяют друг друга, и встречается только один случай замены *η* на *υ* — *βουθι* (36). В Афинах спектр замен шире, но все примеры не датированы. Как в Нубии и отчасти в Киеве, для Афин можно говорить о тенденции к дифференциации с предпочтением *ι* под ударением и *υ*

¹⁹ Buck C.D. The greek dialects. Grammar selected inscriptions. Glossary. — Chicago: The University of Chicago Press, 1968. — P. 31.

²⁰ Allen W. S. Vox Graeca; a Guide to the Pronunciation of Classical Greek. — Cambridge: University Press, 1968. — P. 65.

²¹ Παμπινιώτης Γ. Συνοπτική ιστορία της ελληνικής γλώσσας. — Αθήνα: Πανεπ. Αθηνών, 2002. — Σ. 123.

без ударения. В Каппадокии больше всего представлена замена *v* на *i*, почти все граффити, в которых наблюдаются описываемые явления, датированы, и примеры из них распределяются между 910–1218 гг.

Диграф *oi* в Киеве встречается только в двух словах и в обоих сохраняется. В Константинополе представлен только один случай замены *i* на *oi* без ударения в основе слова *οιβηριω(της)* (16). Каппадокия реализует одну из замен, но в большем числе позиций, за исключением заударных слогов и имен, единственный датированный пример довольно поздний (после XIII в.). Также диграф *oi* варьируется и с *η*. В Киеве был зафиксирован один пример: *γενητο* (62), Афинах и особенно в Каппадокии их гораздо больше. Все примеры из Каппадокии датированы X–XIII вв., и, надо отметить, что эта замена происходит перед назальным или после.

Диграф *oi* и возможные его субституты. Довольно редко *oi* встречается в правильном написании, так в основе под ударением в Каппадокии нет ни одного правильного написания. Самые слабые позиции составляют открытый слог, а также положение после группы согласных.

Другие случаи замен, отражающие итацизм, которые не встречаются в граффити Киева, Константинополя и Нубии. Замена *v* на *ei* может свидетельствовать не только о произношении [i], но и о [ö]. Все примеры из Афин и Каппадокии зафиксированы в абсолютном конце слова (*βοηθv*). Диграф *oi* на месте *ei* (в безударной флексии) встречается в двух примерах. Тот факт, что оба примера зафиксированы в безударной флексии глагола, позволяет нам говорить о возможном влиянии морфологии на их написание.

Монофтонгизация дифтонгов.

Графемы *v* и *oi*. Дифтонг *oi* дольше, чем *ai* и *ei* сохранялся на письме в исконном виде, но в некоторых ранних надписях уже стал появляться как *oe*. В III в. до н.э. дифтонг *oi* монофтонгизировался и стал читаться как [ö].²² Случаи взаимозамены *v* и *oi* происходили независимо от условий, начиная с I в.н.э.,²³ сначала в Египте, а потом уже во всем остальном грекоговорящем мире. В граффити из Парфенона зафиксирован только один датированный случай (IX–X вв.), остальные не датированы. При этом рассматриваемая замена не наблюдается в именах и почти во всех случаях происходит в позиции до или после назального. В Каппадокии замена *v* на *oi* встречается в разных позициях, примеры датируются началом IX–XI вв., обратная замена представлена в довольно позднем примере: *φοιλατε* (206, 1250–1300). В Каппадокии после XI в.

²² Buck C.D. Op. cit. — P. 32.

²³ Gignac F.T. Op. cit. — P. 197.

проявляется замена *v* на *ov*, что также подтверждает тезис о том, что *v* и *oi* читались как /i/ и в более позднее время, чем X в., как ранее принято было считать.²⁴

Графемы *αι* и *ε*. Краткий дифтонг *αι* с римского времени почти во всех регионах стал читаться *ε*, а окказионально и как *α*. По наблюдениям Ф.Т. Жиньяка,²⁵ взаимозамена *αι* и *ε* после *ει* — *ε* наиболее частотное явление в папирусах. В Киеве нет ни одного примера на замену *αι* на *ε* или наоборот. В Константинополе: *ταλεπωρος* (25), *κε* (46) и в Нубии: *Παρθωλομεος* (25) происходит только односторонняя замена *αι* на *ε*. В Афинах картина более многообразна: встречаются оба варианта, но все примеры не датированы и большая часть замен происходит после велярных согласных: *γ*, *κ*, *χ*, и в окончаниях. В Каппадокии большее число и примеров, и позиций, в которых происходили указанные замены: *ε* на месте *αι* встречается только в датированных X–XI вв. граффити, а обратная — почти во всех позициях с начала IX в. и вплоть до XIII в. и позже.

Взаимозамены гласных как диалектные особенности. Графемы *η* (*i*) и *ε* (*αι*) и переход [e] в [i] и обратно. Интересным случаем является наблюдаемая в двух граффити взаимозамена *η* — *ε* в безударной позиции: *Γηορηγον* (34), *αλελουηα* (16). Первый из этих случаев можно трактовать как отсутствие в безударной позиции дифференциации [e] и [i], свойственной для ряда среднегреческих диалектов,²⁶ на которое наложилась унификация всех [i] в этом слове и отражение их на письме графемой *η*. Второй же пример — либо иллюстрирует тенденцию ряда среднегреческих диалектов — отражение *η* ([ē] — в древнегреческом), как [e] — *ε*, либо обратная замена. Переход [e] в [i] и обратно также находит свое отражение в ряде примеров из Каппадокии: *ε* на *ι* — *θιοτοκε* (156), а *ι* на *ε* — *ενδ(ικτιωνος)* — (158, 1217/8). Пример из Каппадокии *καρεαν* (167, 1293) с заменой *v* на *ε* следует интерпретировать как отражение вышеописанного перехода, если допустить, что автор этой надписи, конца XIII в., *v* читал как [i].

Графемы *η* и *ε* и отражение [ē] как [e]. Тенденция к отражению древнегреческой *η* [ē] как [e] свойственна понтийскому диалекту обычно в безударном положении, что также характерно для каппадокийского диалекта, ср. *ε* (154, нач. IX) — пример из граффито, найденного в Каппадокии. Однако случай подобной замены зафиксирован и в Афинах — *βοεθη* (195).

²⁴ Μπαμπινιώτης Γ. Op. cit. — Σ. 123.

²⁵ Gignac F.T. Op. cit. — P. 192.

²⁶ Μηνάς Κ. Η γλώσσα των δημοσιευμένων μεσαιωνικών ελληνικών εγγραφών της Κάτω Ιταλίας και της Σικελίας. — Αθήνα: Ακ. Αθηνών, 1994. — Σ. 40, 45. В граффити из Каппадокии, см.: Jerphanion G. de. Op. cit. — № 156, 158.

Редукция гласных. В Каппадокии в X в. встречается редукция начального безударного гласного (аферезис): *κ[λησίας* (33, н. X) и происходит устранение зияния путем редукции второго гласного (синкопа): *Θαιφανους* (94, 965). К этой же группе явлений относится образование имен на «ις» с усечением *ο* перед конечной *σ*, например, в одном из киевских граффити *Γεοργη* (5). В Нубии зафиксирована редукция *ι* в первом слоге: *Μχαηλ* (109, 116), а также устранение зияния путем редукции первого из двух рядом стоящих гласных: *Μῖχηλ* (112), *Μιχηλ* (115).

Влияние предшествующих согласных на последующие гласные. Уже упомянутая замена *ε* на *η* представлена в безударной позиции в одном из граффити Киева: *Γηοργηον* (34). В этом слове первые две графемы обозначают [j], который возник не только в результате желания избежать зияния, но и в связи с тем, что уже в койне, начиная с I в.н.э.²⁷ графема *γ*, в основном представляющая на письме велярный взрывной [g], могла в ряде слов читаться как палатальный фрикативный [j] или билабиальный глайд [w]. Об этом же свидетельствует форма Гюрги в берестяных грамотах XII в.²⁸

Влиянием предшествующего согласного можно объяснить и пример из другого киевского граффито: *κυρεκν* (62), в котором *ε* на месте *ια*, (ср. в новогреческом слове *κεριά*).

В Каппадокии встречается замена *ο* на *ιο* в слове *διομεστι(κ)ου* (182, 1006/21), в которой *ι* свидетельствует о произношении *δ* как [δ̥]. Примеры этого явления приводит Ф.Т. Жиньяк в работе, посвященной языку папирусов римского и византийского времени.²⁹ Впрочем, здесь возможна антиципация гласного на письме.³⁰

Ассимиляция. В Каппадокии встречается случай регрессивной контактной ассимиляции, когда *ο* перед *η* переходит в *η* — *βηηθει* (170, 1000), а также прогрессивной неконтактной: переход *ι* в *α*: *εζακας* (182, 1006/21). Для последнего примера можно предположить и влияние морфологии более распространенного окончания существительных.

Редкие случаи. Передача сочетания графем *αμ* как *εν* в одном из граффити Киева: *Σενψων* (41) отражает южно-славянское произношение этого слова, в котором *αμ* скорее всего представлялось в виде одной из славянских носовых, а именно юса малого.

²⁷ Gignac F.T. Op. cit. — P. 63. А по мнению Gertrud Laminger-Pascher, со II в. до н. э. (Index Grammaticus zu den griechischen Inschriften Kilikiens und Isauriens. — Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. — Bd. I).

²⁸ Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. М.: Индрик, 2006. — С. 137, подробнее об имени и его формах на с. 135–139.

²⁹ Gignac F.T. Op.cit. — P. 63.

³⁰ См. Казанский Н. Н. Ошибки микенских писцов как лингвистический источник // *Linguistica et philologica*. Сборник статей к 75-летию профессора Ю. В. Откупщикова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 55–66.

2.2. Графемы и диграфы, передающие согласные звуки Геминаты. В Киеве наблюдается последовательное усечение одного из двойных согласных: *ἀλλουηα* (16), *Νοανου* (23), *Σαβας* (40), *Σαβας/ Σαβατ[ιους]* (51), *Εμανουηλ* (67) — процесс, который начался еще в IV в. до н.э.³¹ и активно продолжался в эллинистическом койне³² и папирусах.³³

Упрощение согласного кластера встречается в Киеве только в одном примере: *ευσπλα(γ)χνια* (74), когда потеря *γ* сводится к потере назального перед велярным взрывным, что для однокоренного слова, употребленного в папирусе V в., фиксирует и Ф.Т. Жиньяк.³⁴ Больше число случаев предлагают нам граффити из других регионов. Любопытно сравнение почти одновременных примеров из Афин: *Σετεββρηο* (8, 912) и Каппадокии: *Σετεβριου* (202, X–XI). Складывается впечатление, что автор из Афин удвоил следующий согласный в качестве компенсации потерянного им ранее *π*. В то же время Ф.Т. Жиньяк приводит примеры на потерю *π* в консонантных кластерах, особенно перед *τ* и *σ*.³⁵ Зафиксированное в Каппадокии написание имени «Константин» без назального, начинающего согласный кластер, перед последующим *σ*,³⁶ часто встречается в латинских заимствованиях. Почти все приведенные Ф.Т. Жиньяком примеры из папирусов на потерю в согласном кластере *λ* происходят перед билабиальными взрывными или после,³⁷ в то время как в двух примерах из Нубии: *Σταυροσικουδα* (44, 108) — перед велярным взрывным.

Изменение качества согласного. Изменение чтения графемы δ как отражение спирантизации звука [d], чтение диграфа vt как [d] или [t]. Замена графемы *δ* на *τ*, как в Нубии, где она происходит под влиянием египетского языка, в котором существовали только глухие взрывные: *τουλος* (71, 73), *τουλοο* (70, 72), встречается довольно рано, уже в эллинистическое время,³⁸ и получает широкое распространение в римскую эпоху. Скорее всего эта замена отражает одну из существовавших тогда орфографических норм, в которой за графемой *τ* оказались закреплены две фонемы. Чтение диграфа *vt* как [d], возникшее на Крите и в ряде говоров восточного побережья Греции, привело к тому, что на его месте, если он произносился, писался *τ*, как в

³¹ Rüsç E. Grammatik der delphischen Inschriften. Bd I. Lautlehre. — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. — P. 226–233.

³² Тохтасьев С.Р. Новые материалы по истории койне // Индоевропейское языкознание и классическая филология—X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского (19–21 июня 2006 г.). — СПб.: Наука, 2006. — С. 296.

³³ Mayser E. Op.cit. — P. 186–191.

³⁴ Gignac F. T. Op.cit. — P. 116.

³⁵ Gignac F. T. Op.cit. — P. 65.

³⁶ Gignac F. T. Op.cit. — P. 117–118.

³⁷ Gignac F. T. Op.cit. — P. 63.

³⁸ Тохтасьев С. Р. Цит. Соч. — С. 298

Каппадокии *ελθοτος* (87), а *νδ* заменялся также на *τ* с усечением назального: *Νικατρου* (141) или на *ντ*: *Νηκαντρου* (28, 1000-50), *συντρομις* (35, сер. X).

Спирантизация θ. В Киеве встречается уже выше рассмотренная замена *θ* на *φ*. В Афинах дважды встречается наряду с правильным написанием *σθ* вариант с *στ*: *μνηστητη* (18), *μνηστητι* (116), а в Каппадокии один пример из граффити X в.: *επλαστην* (111, X).

Изменение чтения графемы β, чтение диграфа μπ как [b]. Уже в койне, в I в. н.э., графема *β* стала произноситься как фрикативный [β], вместо билабиального взрывного [b].³⁹ Происходившая в Нубии замена графемы *β* на *π*, *Παρθωλομεος* (25) сродни описанной выше замене *δ* на *τ*, что подтверждает высказанную нами ранее идею о существовании особой орфографической нормы в этом регионе, заменяющей изменившие свое произношение графемы аналогами для их глухих некогда парных звуков. Графическая дифференциация [b] и [m/np] в ряде примеров ниже выглядит как диссимилиация и восстановление первоначальной *ν*. — в Константинополе: *συνπαθ[...]* (10), в Каппадокии: *πενπη* (110, X), *συνπαθηας* (154, нач. IX), *ενπης* (157, нач. IX в.). Диссимилиация группы глухих согласных *πτ*, нашла отражение в примере из Афин: *Σεμπτεμβριω* (77, 921). Скорее всего в этом случае *μπ* произносился как [b], что может быть отражением одного из латинских вариантов написания и произношения этого слова.

Диграф εβ. После монофтонгизации дифтонга, который отображает на письме данный диграф, чаще всего он стал писаться либо с усечением второго элемента, как указывает Ф.Т. Жиньяк,⁴⁰ либо с его переходом в согласный, который в ряде случаев подвергался последующей ассимиляции, как в некоторых граффити Афин и Каппадокии.

Диграфы γγ и γκ и отражение на письме их реального произношения. Начиная с I в. н.э. графема *γ*, в основном представляющая на письме велярный взрывной [g], могла в ряде слов читаться как палатальный фрикативный [j] или билабиальный глайд [w].⁴¹ Однако существовало и иное произношение этой графемы как [n]: в Афинах *ν* на месте *γ*: *α' συνκελος* (59), *Φρανκος* (166, 1482/3), случай избыточного *ν*: *αγγελων* (116), в Каппадокии: *δουανγ(ελλ)η* (109, X), *αρχανγ<ε>λους* (127, XI?), *αρχανγελων* (127, XI?).

Диссимилиация и ассимиляция. Ф.Т. Жиньяк приводит примеры на ассимиляцию назальных в различных позициях на материале папирусов, приводя все позиции в зависимости от того, происходит ли эта ассимиляция на стыке слов или внутри одного

³⁹ Gignac F. T. Op.cit. — P. 63.

⁴⁰ Gignac F. T. Op.cit. — P. 226–231.

⁴¹ Gignac F. T. Op.cit. — P. 63.

Каппадокию особенно в третьем склонении. В Киеве в первом склонении в винительном падеже единственного числа существительных мужского рода происходит усечение конечного «v», что сближает его с формой дательного падежа единственного числа, которая в данном регионе не встречается. Такое же усечение наблюдается и в единственном примере из Константинополя.

1.4 «Глагол» — эта подглава содержит 11 рубрик, в которых описано употребление наклонений или времен. Больше всего вариаций представлено в повелительном наклонении в настоящем времени глаголов с исходом на гласный, что обусловлено формульной структурой граффити.

1.5 Наречия — для Афин и Каппадокии фиксируется фонетически обусловленная утрата типических для наречий окончаний.

2. Синтаксис

2.1. Управление глагола и синтаксис падежей. Употребление дательного падежа.

В Киеве дательный падеж в разбираемых граффити не употреблялся, на его месте обычно встречаются формы винительного. Родительный падеж употребляется дважды, и оба раза в нем стоит форма местоимения «μοῦ». В Афинах в рассмотренных контекстах активно употреблялся дательный падеж, а на смену ему чаще приходил родительный, чем винительный. В Каппадокии, где надписи датированы исходя из внешних факторов, предпочтение отдается скорее винительному, хотя существуют показательные случаи сохранения дательного и в более позднее время (в надписи 206, датированной второй половиной XIII в). Материал из Константинополя также указывает на предпочтение винительного падежа родительному. В Нубии указанные глаголы не встречаются, однако падежная система в граффити скорее указывает на стремление к аналитизму, так как распространенным явлением становится в этом регионе несогласование в падеже артикля и следующего за ним существительного: артикль часто выбирается в форме винительного падежа, а существительное при этом ставится в родительном.

2.2. Несогласование. В киевском граффито (22), которое скорее всего писал славянин, так как в нем троекратно употребляется транслитерированный по-гречески древнерусский союз "нъ" и одна из строк начинается с транслитерированного местоимения "азъ", можно отметить следующие ошибки:

- *δουλος μου* (22) вместо *δουλος σου*, как предположила Т.В. Рождественская, это может быть результатом влияния древнерусского языка, а именно формулы древнерусской эпиграфики «рабу своему».
- глагол *εγαμετο* в третьем лице вместо первого.

В Каппадокии несогласование происходит из-за изменений валентности глаголов, а в Нубии из-за размывания падежной системы.

2.3. Местоимения и синтаксические способы выражения притяжательности. В развернутом виде ($\tau\omega(\nu) \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu \tau\omicron\upsilon \Theta(\epsilon)\omicron\upsilon$ (49)) эта часть формулы граффито-молитвы встречается в Киеве лишь один раз. Обычно же $\tau\omicron\upsilon \Theta(\epsilon)\omicron\upsilon$ заменяется притяжательным местоимением второго лица. Существуют несколько вариантов такой замены:

- архаичный вариант: $\tau\omicron\nu \sigma\omicron\nu \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu$ (5?, 7, 8, 18, 34);
- архаичный вариант с инверсией: $(\tau\acute{o})\nu (\delta\omicron\upsilon\bar{\nu})\lambda\omicron\nu \sigma\acute{o}\nu$ (3);
- поздний вариант: $\tau\omicron\nu \delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\nu \sigma\omicron\upsilon$ (1, 23, 26, 37, 42, 43), $\tau\eta\nu \delta\omicron\upsilon\lambda\eta \sigma\omicron\upsilon$ (25).

Употребление личной формы местоимения в родительном падеже в функции притяжательного.

- поздний вариант без артикля: $\delta\omicron\upsilon\lambda\omicron\varsigma \mu\omicron\nu$ (22).

Представленные варианты дают нам возможность говорить об относительной датировке указанных граффити в сравнении друг с другом и выделить из них более ранние. В Афинах наблюдается большая вариативность в употреблении подобных форм. В Каппадокии большинство авторов граффити предпочитают более поздний вариант.

Третий раздел посвящен палеографическому анализу киевских граффити. Каждая буква представлена во всем многообразии ее типов, разбитых на три большие группы: начертания, свойственные только греческим памятникам, только славянским и общие, встречающиеся и в греческой, и в славянской эпиграфике. Кроме описания выделенных типов внутри каждой из групп, приводятся аналогии из других памятников. Такое разбиение на группы и последующее описание позволило выявить небольшую группу надписей, содержащих славянские типы букв: 12, 13, 14, 18, 19, 35, 42, 52, 63, 65, 69, из них при этом не содержат греческих начертаний только 13, 14, 19. Ряд надписей не имеет характерных признаков: 15, 20, 21, 30, 40, 44, 45, 70, 71, а остальные 57 надписей отличаются наличием типично греческих начертаний.

В **Заключении** формулируются выводы работы:

1. Граффити оказались оптимальным материалом для определения особенностей нормы и узуса. Собранный корпус надписей достаточен для исследования функционирования греческого языка в Киеве. С одной стороны, чаще тенденции, наблюдаемые в киевских граффити, близки к афинскому материалу: заударный слог как сильная позиция, степень сохранности η в некоторых позициях, с другой стороны, невысокая на общем фоне сохранность i и ω , предпочтение винительного падежа дательному сближают с каппадокийскими данными. Скорее всего это свидетельствует

о том, что некоторые надписи в Киеве были написаны греками малоазийского происхождения.

2. В Киеве наблюдается определенная зависимость происходящих фонетических замен и графических вариаций от ударения, показывающая, что славянское ударение, в отличие от греческого, еще могло быть связано с различием долготы/краткости гласных. Проверить этот факт можно будет лишь тогда, когда будут опубликованы материалы из раскопок в монастырях Равна, Мурфатлар, где так же, как и в Киеве, были зафиксированы контакты греков и славян.

3. За исключением некоторых гласных (например, омикрона) в большинстве случаев в Константинополе наблюдается более последовательное соблюдение традиционной орфографии, в то время как в Афинах вариаций больше, а граффити Каппадокии и Нубии испытали влияние местных языков. При этом чаще встречаются вариации в написании гласных фонем, чем согласных. Итацизм протекал неровно как из-за сохранения более ранних орфографических норм, так и вследствие сознательной дифференциации графем, иногда отражающей этимологическое происхождение: η и $\epsilon\iota$ обычно использовались в позициях, где раньше стоял долгий гласный. В то же время некоторые примеры из Киева и Каппадокии показывают, что итацизм не завершился к X веку, так как до XII–XIII в. встречаются примеры на передачу v и oi через ov , а не через i или любую другую графему, читавшуюся тогда как [i].

4. Анализ морфологии греческих граффити показал, что морфологические отклонения связаны в основном с фонетическими процессами и происходили по аналогии. При этом в Каппадокии в именах существительных и прилагательных наблюдается начало деформации третьего склонения, но в целом почти во всех регионах сохраняются основные принципы древнегреческой морфологии.

5. Анализ количественных данных, полученных на материале греческих надписей, показал, что помимо зависимости ряда фонетических процессов от ударения, (особенно в Киеве, где оно имело более выраженный динамический характер), большее число отклонений наблюдается в именах собственных по сравнению с остальными словами. Это определяется тем, что кроме независимости имен от формульного характера граффити (а значит, и меньшей повторяемости в этом типе источников) они отражают те варианты произношения, которые бытовали в той или иной местности или семье.

6. Синтаксис рассмотренных памятников не выходит за рамки простого предложения и сводится к синтаксису падежей и местоимений. При этом в Афинах, в отличие от современной ситуации, в одной и той же позиции на месте дательного падежа отдается предпочтение родительному, а в других регионах винительному. В Нубии наблюдается высокая степень разложения падежной системы, а в Киеве

отсутствуют примеры на употребление дательного падежа: греки Киева использовали на его месте винительный падеж. Эта тенденция скорее всего была заимствована из узуса Константинополя и Каппадокии. Синтаксис местоимений, выражающих притяжательность, содержит примеры архаичного употребления и нового, что позволяет разделить надписи на две группы по отношению друг к другу.

7. Палеографический анализ позволяет отметить, что большая часть начертаний букв зафиксирована в древнерусской палеографии начиная со второй половины XI в, однако некоторые из пяти граффити появляются в древнерусской эпиграфике лишь с начала XII в., из шести надписей — со второй четверти XII в., из двух граффити — со второй половины XII в, из трех — встречаются в берестяных грамотах только в XIV в. Для византийской эпиграфики датировка надписей по форме знаков не разработана, что не позволяет датировать греческие начертания. Однако деление на греческие и славянские начертания носит условный характер. Поскольку, например, в № 22 граффито наблюдается большое число типично греческих минускульных букв, в этой же надписи встречаются древнерусские слова, транслитерированные греческими буквами, что могло бы свидетельствовать о славянском происхождении автора, который научился у греков не только читать, но и писать и воспроизводил впоследствии на письме почерк своего учителя.

Таким образом, все приведенные выше соображения позволяют выделить восемь граффити, написанных славянами, и шесть — написанных греками, а языковую принадлежность авторов остальных надписей невозможно определить. Надписи, очевидным образом, датируются, начиная со второй половины XI в., основное их число приходится на вторую половину XI–XII в., некоторые появились уже в XIII в., но не позже. В целом разработанная и апробированная методика анализа показала свою эффективность, что делает возможным ее применение к другим эпиграфическим памятникам византийского времени.

Приложения содержат «Прориси граффити» (№ 1); «Правильно написанные слова» (№ 2) — даны правильно написанные с точки зрения классического греческого языка слова из граффити Константинополя, Афин, Каппадокии, Нубии; «Вариации в граффити» (№ 3) — выстроенные по регионам и типам вариаций примеры из граффити Константинополя, Афин, Каппадокии, Нубии; «Неправильно написанные слова» (№ 4); «Правильное написание гласных» (№ 5), где приведены таблицы с распределением правильного написания по различным позициям; «Правильное написание гласных в комбинаторных позициях» (№ 6); «Неправильное написание гласных в комбинаторных позициях» (№ 7); «Морфология» (№ 8) – приведены таблицы с правильными формами, которые встречаются в граффити рассматриваемых регионов; «Количественный

анализ» (№ 9); «Палеография каждого граффито» (№ 10) — даны таблицы, показывающие начертания каких типов букв встречаются в каждом из граффити Киева.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

1. Evdokimova A. Greek graffiti in the saint Sofia in Kiev // Acts of the 13th international congress of Greek and Latin epigraphy: Summary papers. — Oxford: Oxford University Press, 2007. — P. 86.

2. Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской (предварительная публикация) // Восточная Европа в древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. — М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2006. — С. 56–62.

3. Евдокимова А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской (предварительные замечания) // Индоевропейское языкознание и классическая филология—X: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (19–21 июня 2006 г.). — СПб.: Наука, 2006. — С. 75–77.

4. Евдокимова А.А. Особенности языка греческих граффити Парфенона // Индоевропейское языкознание и классическая филология—XI: Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского (18–20 июня 2007 г.). — СПб.: Наука, 2007. — С. 88–94.

5. Евдокимова А.А. О месте знати в храме Святой Софии в Киеве (по материалам греческих граффити) // Восточная Европа в древности и средневековье: XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. — М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН, 2007. — С. 77–81.

6. Евдокимова А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 17 (43). В 2-х частях. Аспирантские тетради. Ч. I. Общественные и гуманитарные науки: Научный журнал. — СПб.: Книжный дом, 2007. — С. 115–119.

7. Евдокимова А.А. Греческие граффити Софии Киевской (публикация) // *Orientalia et Classica*: Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XIX. Аспекты компаративистики III. — М.: Изд-во РГГУ, 2008. — С. 609–648.